

УДК 396

**«Нигилистки»,
«феминистки»,
«радикалки»: проблема
идентификации
самореализации женщин
в начале XX в.
(на примере
Е. Н. Ошаниной)**

A. Ю. Федотова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**“Nihilists”, “feminists”,
“radicals”: the problem
of women's self-actualizing
identification in the early
20th century
(the case of E. N. Oshanina)**

A. Yu. Fedotova,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В историографии немалое внимание уделяется женскому движению в пореформенной России (середина XIX – начало XX в.). Исследователи предлагают свои авторские классификации женщин – участниц данного движения. При этом выделение определенных групп женщин, как правило, отличается разграничением их по периодам и нередко противопоставлением этих групп друг другу. В научной литературе можно встретить такие типы женщин, как «нигилистки», «феминистки», «радикалки», «равноправки» и другие, которые имели разные цели и методы в своей деятельности. В последние два десятилетия появилось понятие «женщина нового типа» или «новый тип женщин». Несмотря на функционирование различных классификаций, применение их к конкретно-историческим личностям по-прежнему остается достаточно сложным. Цель данной статьи – показать на частном примере Елены Николаевны Ошаниной, что в реальности направления женского движения в этот период не только могли существовать параллельно, но также взаимодействовали и пересекались. Актуальность поставленной проблемы обусловлена отсутствием специальных трудов в региональной историографии по данной теме. Автором на основе, в первую очередь, неопубликованных материалов фонда Казанского губернского жандармского управления Государственного архива Республики Татарстан (ф. 199) и его документов (дневники, переписка) сделан вывод о возможности на рубеже веков выбора различных (иногда кажущихся несовместимых) и множественных типов женской самореализации в зависимости от исторических условий, личного социального статуса, убеждений и взглядов в разные периоды жизни.

Abstract

In historiography, much attention is paid to the women's movement in the post-reform Russia (mid-19th–early 20th century). Researchers offer their own authorial classifications of activist women of that movement. As a rule, identification of certain groups of women is distinguished by differentiating them by periods and often counterposing those groups to one another. In scientific literature, one can find such types of women as “nihilists”, “feminists”, “radicals”, “equalists”, and others, who had different goals and methods in their activities. In the last two decades, the concept of a “new- type woman” or a “new type of women” has emerged. Despite the functioning of various classifications, it is still difficult to apply them to specific historical figures. The purpose of this article is to show,

using the case of Elena Nikolaevna Oshanina, that actually various types of the women's movement could exist simultaneously during that period and even interact and have common ground. The relevance of the study is defined by the lack of topic-wise specific works in the regional historiography. Based primarily on the unpublished materials from the fonds of the Kazan Provincial Gendarme Department of the State Archive of the Republic of Tatarstan (fond 199) and ego-documents (diaries, correspondence), the author concludes about the possibility of choosing different (sometimes seemingly incompatible) and multiple types of female self-actualization at the turn of the century depending on historical conditions, personal social status, beliefs and views at different periods of life.

Ключевые слова

Женское движение, классификация женского движения, женщины нового типа, радикалки, революционерки, нигилистки, феминистки, Казанская губерния в начале XX в., Е. Н. Ошанина.

Keywords

Women's movement, classification of women's movement, new-type women, radical women, revolutionary women, nihilists, feminists, Kazan province in the early 20th century, E. N. Oshanina.

Классификация женского движения в России

Вопрос классификации женского общественного движения не раз становился темой научного исследования, как в российской, так и в зарубежной историографии.

Среди исследователей данного вопроса в России стоит назвать таких ученых, как О.А.Хасбулатова, И.И.Юкина, Н.П.Пушкирева, Т.Б.Котлова, А.М.Добрынина, И.И.Яковлева, Е.Н.Меньшикова, М.Ю.Семенов.

Так, Т. Б. Котлова, А. М., Добрынина, И. И. Яковлева в своей статье «Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (К вопросу о формировании нового типа женщин в России на рубеже XIX-XX веков)», в первую очередь, останавливаются на общественно-исторических условиях формирования «нового типа женщин». Они приходят к выводу, что для последних были характерны такие ценностные ориентации, как образование, профессиональный труд и общественная деятельность¹.

Е. Н. Меньшикова и М. Ю. Семенов считают, что термин женщина «нового типа» не просто включает в себя политизированную («равноправка»), правовую («эмансипированная» женщина), психологическую («нигилистка») характеристики, но и отражает процесс трансформации сознания женщины на пути к свободе и творческой самореализации в широком смысле слова². Остальные типы женщин они упоминают только в контексте изучения женщины «нового типа», отсылая к широко известным исследователям женского общественного движения в России.

Более подробно по периодам и направлениям женского движения написано у О. А. Хасбулатовой³. Она разделяет женское движение на три периода (1859-1895 гг. – «новые женщины», 1895-1906 гг. политизация женского общественного движения и 1907-1914 гг. массовое движение) и три направления («либерально-демократическое/реформистское», «социал-демократическое, пролетарское» и «национал-патриотическое»).

Н. Л. Пушкирева в статье «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801-1905 гг.: формы социальной активности)» выделяет в женском движении два периода: период первой волны (1858-1905 гг.) и период зрелости (1905-1918 гг.)⁴. Понятия «новые женщины», «феминистки», «шестидесятницы» фигурируют здесь в качестве синонимов. На рубеже веков на историческую арену, по мнению автора, выходят «равноправки», «революционерки». Среди последних выделялись «феминистки-либералки»/«либеральные равноправки» и «народоволки-террористки» или «радикалки-нигилистки»⁵.

По мнению, И. И. Юкиной, политическая активность женщин имела «три русла протеста». В первую очередь, это были нигилистки. Они не создавали никаких организационных форм, акцент делался на личной эмансипации и индивидуальных действиях

(чтение книг, дискуссии в узком кругу, домашние лекции и проживание в коммунах)⁶. «Новые женщины» или «шестидесятницы» обратились к решению социальных проблем, в том числе к помощи женщинам, путем создания общественных организаций⁷. Молодые женщины 1870-1880-х гг., которые по разным причинам отказывались от пути, предлагаемого шестидесятницами, выбирали «нетрадиционную женскую самореализацию». К последнему И. И. Юкина относит радикальное освободительное движение, а женщин называет «радикалками». По своему социальному происхождению они, как и «новые женщины», были преимущественно дворянки⁸.

Среди иностранных авторов, работающих в этом направлении, следует назвать Р. Стайтса и Б. Пиетров-Энкер. Книга Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930» вышла в 1978 г., а в 1991 г. была переиздана с дополнениями. На русском языке книга увидела свет только в 2007 г. По мнению автора, в дореволюционной России в развитии женского движения существовал феминистский, нигилистский и радикальный отклик. Взгляды феминисток носили либеральный характер, а целью женского движения было постепенное и мирное реформирование статуса женщины в российском обществе, особенно ее экономического положения и образования. На раннем этапе единственно доступной формой деятельности для женщин была благотворительность⁹. Нигилистки настаивали на личной эманципации. При этом они желали изменить мир, но не обязательно политическими способами. Женщины («радикалки») 1870-х гг. пришли в радикальное движение не ради решения женского вопроса, а ради народного дела¹⁰. Лучшими качествами «революционерок»/«радикалок» этого времени были скромность, любовь к угнетенным, ненависть к угнетателям, стоицизм¹¹. К началу XX в. осталось два направления женского движения – феминистское и социалистическое¹².

Книга Б. Пиетров-Энкер «“Новые люди” России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции» выходит в 1999 г., а русский перевод в 2005 г. В нигилистическом движении большую притягательную силу обрел идеал свободного, равного и дееспособного гражданина. Данная модель подтолкнула женщин к развитию личных способностей путем образования и дальнейшего участия в общественной жизни, подобно мужчинам¹³. В это же время формируется в женском движении такая группа, как «новые женщины». Их взгляды на одинаковые права с мужчинами в области образования и профессиональной деятельности автор оценивает как радикальные. В то же время путь достижения этих целей носил реформистский характер¹⁴. Первые возможности для женщин беспрепятственно действовать в сфере общественной жизни возникли на основе традиционной женской благотворительности, которая в последующем эволюционировала от помощи маргинальным группам к созданию обществ по защите социально-политических интересов с целью давления на правительство, чтобы последнее провело давно назревшие реформы¹⁵. Таким образом, в конце XIX в. происходит переход от социально направленной феминистской деятельности к ее политизации, которая выразилась в борьбе за женское равноправие¹⁶. В начале XX в. в России появляется пролетарское женское движение, которое автор оценивает как слабое¹⁷.

Несмотря на достаточное количество работ, существующих в историографии, по вопросу классификации женского движения в России второй половины XIX – начала XX в., применение тех или иных типов к конкретно-историческим личностям вызывает определенные трудности в связи со сложностью самих исторических условий. И здесь наиболее верно охарактеризовала ситуацию в женском движении этого периода И. И. Юкина, сказав, что «смены караула» не было. Потоки взаимодействовали и пересекались. Участие в двух общественных движениях – в гендерно-ориентированном женском и классово-ориентированном радикальном, было явлением достаточно распространенным¹⁸.

Елена Николаевна Ошанина в Казанской губернии в начале XX в.

Осенью 1905 г. «Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова» организовало Комитет общественной помощи голодающим, пострадавшим от неурожая 1905 г. Местные отделения были открыты в 11 городах, в том числе в Казани, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Самаре, Саратове, Уфе. В места массовых заболеваний на почве голода посылались врачебные отряды¹⁹.

Один из таких врачебно-питательных отрядов в составе трех женщин В. А. Шварцбург, Н. (А.) Е. Белявской* и Е. К. Слободовской был отправлен в конце января 1906 г. в деревню Александровку Казанского уезда Казанской губернии. С самого начала своей деятельности отряд встретил препятствия со стороны губернской администрации. Уже в начале февраля 1906 г. губернатор дал распоряжение выслать всех их и закрыть столовую. Дело смогли уладить после вмешательства председателя уездной земской управы г. Новицкого. Несмотря на урегулирование вопроса, дальнейшая работа продолжалась недолго: В. А. Шварцбург и Н. Е. Белявская заболели тифом, а заведующая столовой Елена Константиновна Слободовская была арестована²⁰.

Елену Константиновну Слободовскую поместили в Казанскую пересыльную тюрьму 24 февраля 1906 г. По документам Казанского губернского жандармского управления Елена Константиновна проходила как «сестра

милосердия», сама она выдавала себя за «жену сына отставного чиновника»²¹.

В беседе с врачом В. Перимовым 30 мая 1906 г. она сообщала, что «арестована по доносу урядника, так как ей несколько крестьян говорили, что урядник приглашал их к себе, подпаивал и уговаривал показывать, что она говорила противоправительственные речи»²². Во время следствия к делу были приобщены вещественные доказательства – «книжка(ки) и брошюра(ы) в запечатанной посылке». Содержание последних в следственном деле не указано. 27 февраля 1907 г., спустя год после ареста, Елена Константиновна Слободовская была осуждена Казанской судебной палатой по ст. 130 п. 2 и 3 Уголовного уложения²³. Было принято решение заключить в тюрьму на четыре года, а после этого «водворить» в Якутскую область²⁴.

Однако уже в мае 1907 г. Елена Константиновна сообщила Казанской судебной палате свое настоящее имя – Елена Николаевна Ошанина²⁵.

Е. Н. Ошанина: проблема идентификации

О биографии Елены Николаевны мы знаем не очень много. В первую очередь, то, что она сообщила в Казанской судебной палате. Уже в советское время эта информация нашла отражение в издании «Политическая каторга и ссылка» за 1929 и 1934 гг.²⁶

Ошанина Елена Николаевна – русская, дочь дворянина, учащаяся, родилась 12 июля 1874 г. в с. Покровском Орловской губернии. Окончила гимназию и, пробыв четыре года учительницей, поступила на фельдшерские курсы в Саратове. В 1889 г.

* При рождении получила имя Анна Евгеньевна Белявская. Однако в семье и друзья называли ее Нина. Далее по тексту – Нина Евгеньевна Белявская.

участвовала в революционных кружках учащихся, хранила и распространяла литературу, печатала прокламации. В 1902 г. приговорена Саратовской судебной палатой по 2 части 252 статьи Уголовного Наказания за участие в первомайской демонстрации в ссылку на поселение и водворена в Аксызск Минусинского уезда Енисейской губернии. В 1904 г. была снова арестована и посажена в Минусинскую тюрьму, где пробыла пять месяцев. Затем бежала в Швейцарию и жила там до июля 1905 г. После нелегального возвращения в Россию примкнула к партии социалистов-революционеров и работала в Черниговской и Казанской губерниях под кличками «Катя» и «Анна». Сюда же можно добавить псевдоним Елена Константиновна Слободовская. В феврале 1906 г. ее арестовали. В Казанской тюрьме она провела год до суда. В 1907 г. Казанская судебная палата приговорила к четырем годам тюрьмы за «бродяжничество» и двум годам крепости за пропаганду среди крестьян. Когда открыла свое настоящее имя, то Казанский окружной суд 13 мая 1909 г. в Чистополе осудил ее по 313 и 445 статьям Устава о ссылке за побег с поселения на три года каторги. По апелляции Казанская судебная палата отменила этот приговор, принимая во внимание амнистию 1905 г., и оставила в сибе приговор 1907 г. В 1909 г. была освобождена и работала фельдшерицей до 1917 г.²⁷

Для лучшего понимания Е. Н. Ошаниной нужно обратиться к истории ее семьи. Мамой Елены Николаевны была Мария Николаевна Ошанина, в девичестве Оловеникова, более известная под революционными псевдонимами «Марина Полонская» и «Мадам Якобсон». Она вышла замуж за дворянину Н. Д. Ошанина, в 1874 г. родилась Елена. Оставив дочь на воспитание своей матери, Мария Николаевна уехала в Санкт-Петербург учиться на фельдшерских курсах при обществе Святого Георгия. В 1878 г. после смерти первого мужа Мария Николаевна второй раз вышла замуж за члена исполнительного комитета «Народной воли» А.И. Баранникова. Сама она тоже являлась активным членом данной организации. С 1882 г. жила в Париже, где в 1898 г. умерла²⁸.

Степень участия Марии Николаевны Ошаниной в воспитании дочери Елены сегодня, безусловно, установить проблематично. Исходя из общей биографии Ошаниной-старшей, возможно, оно было минимальным. Как отмечает Б. А. Энгл, «революционерки, родившие детей в момент революционного подъема... отказывались от своих детей, чтобы продолжить борьбу»²⁹. Однако косвенное влияние, которое, скорее всего, выражалось в некой идеализации матери-революционерки, могло оказаться существенным при выборе дальнейшего жизненного пути Елены Николаевны. Тем более, что параллели в жизни матери и дочери прослеживаются хорошо: фельдшерская школа и участие в революционной борьбе. Безусловно, масштаб революционной деятельности Ошаниной старшей и младшей несопоставим. В каких именно революционных кружках участвовала Елена Николаевна, нам неизвестно. Согласно изданию «Политическая каторга и ссылка», в партию социалистов-революционеров (эсеров) она вступила уже после 1905 г.³⁰ В то же время известные нам данные говорят о том, что она не ушла в революционную борьбу с головой и при случае сделала выбор в пользу благотворительной работы – оказание помощи пострадавшим от неурожая 1905-1906 гг. Хотя в одном из писем

Н. (А.) Е. Беляевская //
Ошанин В. Д. Родословие
дворянского рода
Ошаниных. Т. 2. Коленья
с XIV по XXI. – Лион:
Tip. AGG Print. Виллербани,
2020. – С. 167.

N. (A.) E. Belyavskaya //
Oshannin V. D. Genealogy
of the noble dynasty of the
Oshanins. V. 2. Generations
from the 14th to the 21st
centuries. – Lyon: Typ. Agg
Print. Willurbann, 2020. –
P. 167.

Лидия (стоит) и Наталья (сидит) Куприяновы. 1904 г. // Жукова Е. Д. На полках старинного шкафа: семейная хроника. – М.: Политиздат, 1990.

Lidiya (standing) and Natalya (sitting) Kupriyanovs. 1904. // Zhukova, E. D. On the shelves of the old bookshelf: a family chronicle. – M.: Politizdat, 1990.

автор письма отмечает отличия во взглядах. Елена Николаевна так и пишет в письмах от 6 июня и 4 июля 1907 г.: «Дорогая, хорошая Анна Евгеньевна! ... Хотя мы с Вами не сходимся в убеждениях, но у меня осталось о Вас самое лучшее воспоминание ...» (6 июня).

«... Знаете, милая, я начала, было, жалеть, что затеяла с Вами переписку, боялась, чтобы Вам не причинило каких-нибудь неприятностей знакомство с такой крамольницей, как я. Но теперь я успокоилась: уверена, что всякий здравомыслящий человек поймет, что можно любить и уважать человека, будучи с ним разных убеждений...» (4 июля)³³.

Судить об убеждениях самой Нины Евгеньевны Белявской можно по дневниковым записям за 1905 г. Дневник Нины за этот год посвящен революционным событиям, которые она имела возможность наблюдать в Кишиневе, Санкт-Петербурге и Москве, и ее отношению к ним. На его страницах очень хорошо видно, как меняется представление Нины Евгеньевны о целях и методах борьбы, о революции в целом. Зимой – осенью 1905 г. в Кишиневе, а затем в Санкт-Петербурге у нее складывается восторженное представление о революции как о событии исторического масштаба. 14 октября в дневнике она отмечает: «... Молчу перед грандиозностью минуты»³⁴.

Нина Евгеньевна разделяла идеи революционных партий, в частности «СД»³⁵:

«23 ноября 1905. ... За это время перечитала много книг и с радостью бы вступила в социал-демократическую партию, да, во-первых, не знаю, как, а во-вторых, теперь мне это кажется чем-то не тем, чего бы я хотела. Вступить в партию тогда, когда она уже вышла из подполья, и тогда, когда она на своих плечах уже вынесла главную работу»³⁶.

она пишет, что к Пироговскому обществу «пристроилась» случайно³¹.

Наиболее близкие отношения в Казанской губернии у Елены Николаевны сложились с двумя женщинами – Ниной Евгеньевной Белявской и Натальей Петровной Куприяновой.

Нина (Анна) Евгеньевна Белявская, дворянка по происхождению, оставила дневники и письма о своей поездке «на голод» в Казанскую губернию. В это время она имела незаконченное медицинское образование, так как в 1905 г. она только поступила в Медицинский институт в Санкт-Петербурге, но занятия были отменены из-за революции. Свое образование она продолжила уже после поездки «на голод» в 1906 г. в Москве на медицинском отделении Высших женских курсов им. В. И. Герье. Несмотря на это, определенный медицинский опыт у нее был, так как принимала участие в работе санитарного летучего отряда в революционном Санкт-Петербурге осенью 1905 г.³²

Сохранилось несколько писем Елены Николаевны, адресованных Нине Евгеньевне, из которых можно сделать вывод, что они находились в довольно близких, приятельских отношениях. При этом

При этом ее мама в письме отмечает: «... Я знакома с твоими убеждениями и, что ты тверда в них, – тоже знаю»³⁷.

В то же время Нина, являясь непосредственным свидетелем ужасов революции (баррикад, убийств, обстрела Пресни в Москве), стала сомневаться в возможности достижения «светлого будущего» подобными путями. В своем дневнике еще 17 сентября она обращается ко всем сторонникам активных решительных радикальных действий: «17 сентября 1905. Но если я не могу идти тем ужасным путем, который выбрали “они”? Путем, о котором они так смело, так уверенно говорят, и перед которым я с ужасом закрываю лицо обеими руками. Кровь... море крови... масса человеческих жизней. И на этом будет построено всеобщее благополучие?.. Быть может, оно несет лучшее будущее, но также и массу трупов, через которые нужно шагать...»³⁸.

Скорее всего, именно по вопросу методов революционной борьбы были расхождения во взглядах Нины Белявской и Елены Ошаниной.

Кроме того, переписка Белявской и Ошаниной дает нам возможность добавить еще информации к биографии Елены Николаевны. Так, в письме от 4 июля 1907 г. она пишет: «Кажется, я Вам не говорила, что в 1899 г. мне пришлось заведовать столовой в татарском селе Казанского уезда. Действительно, трудно жить среди населения, языка которого не знаешь»³⁹.

Исходя из имеющихся у нас биографических данных Елены Николаевны Ошаниной, мы можем отнести ее и к так называемым «радикалкам» или «революционеркам», и к «женщинам нового типа». И. И. Юкина, опираясь на исторические источники, отмечает сходство радикалок и «новых женщин» в их желании помочь угнетенным. И те, и другие считали личную независимость и работу в общественной сфере непременными шагами эмансипации⁴⁰. Таким образом, частный пример Е. Н. Ошаниной показывает, что однозначной классификации деятельности женщин – участниц женского движения конца XIX – начала XX в. быть не может. Существовали одновременно и/или сменяли друг друга разные варианты женской самореализации, которые, казалось бы, являлись в тот период времени взаимоисключающими.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Добринина А. М., Котлова Т. Б., Яковлева И. И. Ценностный подход в конкретно – исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX-XX веков) // Женщина в российском обществе. – 2005. – № 1-2. – С. 25.
2. Меньшикова Е. Н., Семенов М. Ю. Конструирование презентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 2. – С. 122.
3. Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). – Иваново, 1994. – 135 с.
4. Пушкирева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801-1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 52-67.
5. Там же. – С. 61-62.
6. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 132.
7. Там же. – С. 137-39.
8. Там же. – С. 140-141.
9. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 103.
10. Там же. – С. 184.
11. Там же. – С. 189.
12. Там же. – С. 226.
13. Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. – М.: РГГУ, 2005. – С. 302.
14. Там же. – С. 305.
15. Там же. – С. 264-265.
16. Там же. – С. 278, 283.
17. Там же. – С. 287.

18. Юкина И. И. Указ. соч. – С. 146.
19. Смирнова Е. М. Медики в годы Первой русской революции // Общество: история, философия, культура. – 2017. – № 9. – С. 51.
20. Бюллетень № 6 // Труды Вольного экономического общества. – 1906. – № 1-3. – Январь-июнь. – С. 18.
21. ГА РТ, ф. 199, оп. 2, д. 406, л. 1, 7.
22. Бюллетень № 6 // Труды Вольного экономического общества ... – С. 18-19.
23. В редакции 1903 г. Уголовного Уложения по статье 130 привлекались «виновные в распространении, непублично, учений или суждений, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению в государстве существующего общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти; 4) к учинению тяжкого, кроме указанного выше, преступления ...» // Новое Уголовное Уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – С.-Петербург: Издание Каменноостровского Юридического Книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. – С. 54. Видимо, по пункту 2 ст. 130 она проходила в связи с доносом урядника, а по пункту 3 за отказ закрывать столовые.
24. ГА РТ, ф. 199, оп. 2, д. 659, л. 122 об.
25. Там же, д. 406, л. 10.
26. Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссылочно-поселенцев. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссылочно-поселенцев, 1929. – 686 с.; Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссылочно-поселенцев. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссылочно-поселенцев, 1934. – 878 с.
27. Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссылочно-поселенцев. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссылочно-поселенцев, 1934. – С. 469; ГА РТ, ф. 199, оп. 2, д. 406, л. 10.
28. Ошанин В. Д. Родословие дворянского рода Ошаниных. Т. 2. Коленья с XIV по XXI. – Лион: Тип. AGG Print. Виллёрбанн, 2020. – С. 64-67.
29. Цит. по: Юкина И. И. Указ. соч. – С. 143.
30. Политическая каторга и ссылка: биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссылочно-поселенцев. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссылочно-поселенцев, 1934. – С. 469.
31. 1906-1907. Голод в России. Поездки Н. Е. Белявской «на голод» // Семейный архив. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.domarchive.ru/chronica/286/3_ (дата обращения: 27.06.2022).
32. Семейный архив. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.domarchive.ru> (дата обращения: 27.06.2022).
33. 1906-1907. Голод в России. Поездки Н. Е. Белявской «на голод»...
34. 1904-1905. Первая «Великая Революция» в России // Семейный архив. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.domarchive.ru/chronica/284/4> (дата обращения: 27.06.2022).
35. В дневнике не раскрывается, о ком конкретно идет речь – большевики или меньшевики.
36. 1904-1905. Первая «Великая Революция» в России...
37. Там же.
38. Там же.
39. 1906-1907. Голод в России. Поездки Н. Е. Белявской «на голод»...
40. Юкина И. И. Указ. соч. – С. 140-141, 143.

Список литературы

Добрынина А. М., Котлова Т.Б., Яковлева И. И. Ценностный подход в конкретно – исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX-XX веков) // Женщина в российском обществе. – 2005. – № 1-2. – С. 11-25.

Меньшикова Е. Н., Семенов М. Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 2. – С. 117-131.

Ошанин В. Д. Родословие дворянского рода Ошаниных. Т. 2. Коленья с XIV по XXI. – Лион: Тип. AGG Print. Виллёрбанн, 2020. – 382 с.

Пиетров-Эннкер Б. «“Новые люди” России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. – М.: РГГУ, 2005. – 444 с.

Пушкирева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801-1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 52-67.

Смирнова Е. М. Медики в годы Первой русской революции // Общество: история, философия, культура. – 2017. – № 9. – С. 48-52.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 616 с.

Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). – Иваново, 1994. – 135 с.

Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.

References

Dobrynina A. M., Kotlova T. B., Yakovleva I. I. *Tsennostniy podhod v konkretno-istoricheskikh issledovaniyah (k voprosu o formirovaniyu novogo tipa zhenshhiny v Rossii na rubezhe XIX-XX vekov)* [The value-oriented approach in specific historical studies (revisiting the formation of a new type of woman in Russia at the turn of the 20th century)]. IN: *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2005, issue 1-2, pp. 11-25.

Menshikova E. N., Semenov M. Yu. *Konstruirovaniye reprezentativnogo obrazza zhenshhiny "novogo tipa" kontsa XIX – nachala XX veka* [Constructing the representative image of a “new-type” woman of the late 19th – early 20th century]. IN: *Istoricheskaya psichologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2014, issue 2, pp. 117-131.

Oshanin V. D. *Rodoslovie dvoryanskogo roda Oshaninyh. T. 2. Kolenya s XIV po XXI* [Genealogy of the noble dynasty of the Oshanins. Vol. 2. Generations from the 14th to the 21st centuries]. Lyon, Tip. AGG Print. Willurbann, 2020, 382 p.

Petrov-Ennker B. “Novye lyudi” Rossii. Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabrskoy revolyutsii [“New People” of Russia. Development of women’s movement from its origins to the October Revolution]. Moscow, RGGU publ., 2005, 444 p.

Pushkareva N. L. “Derzkie i bespokoynye” (“Zhenskaya istoriya” Rossii 1801-1905 gg.: formy sotsialnoy aktivnosti) [“Bold and restless” (“Women’s history” of Russia 1801-1905: forms of social activity)]. IN: *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 2002, issue. 6, pp. 52-67.

Smirnova E. M. *Mediki v gody Pervoy russkoy revolyutsii* [Medical workers during the First Russian Revolution]. IN: *Obshchestvo: istoriya, filosofiya, kultura* [Society: History, Philosophy, Culture], 2017, issue 9, pp. 48-52.

Stites R. *Zhenskoe osvoboditelnoe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigliizm i bolshevizm, 1860-1930* [Women’s liberation movement in Russia: feminism, nihilism and Bolshevism, 1860-1930]. Moscow, “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN) publ., 2004, 616 p.

Khasbulatova O. A. *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniya v Rossii (1860-1917)* [Experience and traditions of women’s movement in Russia (1860-1917)]. Ivanovo, 1994, 135 p.

Yukina I. I. *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity]. St.-Petersburg, Aleteya publ., 2007, 544 p.

Сведения об авторе

Федотова Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения Высшей школы международных отношений и мировой истории ИМО КФУ, e-mail: stasi7886@mail.ru

About the author

Anastasiya Yu. Fedotova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History and Archival Studies of the Graduate School of International Relations and World History of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, e-mail: stasi7886@mail.ru

В редакцию статья поступила 28.06.2022, опубликована:

Федотова А. Ю. «Нигилисты», «феминистки», «радикалки»: проблема идентификации самореализации женщин в начале XX в. (на примере Е. Н. Ошаниной) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 2. – С. 164-172.

Submitted on 28.06.2022, published:

Fedotova A. Yu. “Nigilistki”, “feministki”, “radikalki”: problema identifikatsii samorealizatsii zhenshhin v nachale XX v. (na primere E. N. Oshaninoy) [“Nihilists”, “feminists”, “radicals”: the problem of women’s self-actualizing identification in the early 20th century (the case of E. N. Oshanna)]. IN: *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*, 2023, no. 2, pp. 164-172.